

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1 – 31.09
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72

СТРУКТУРА ГЕРОЯ В РОМАНАХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ: СЛУЧАЙ КУКОЦКОГО

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абашева М. П. Структура героя в романах Людмилы Улицкой: случай Кукоцкого // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 61–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72

Please cite this article in English as:

Abasheva M. P. Struktura geroya v romanakh Lyudmily Ulitskoy: sluchay Kukotskogo [The Structure of the Character in Lyudmila Ulitskaya's Novels: *The Kukotsky Enigma*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 61–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72 (In Russ.)

В статье приводятся и систематизируются основанные на архивных материалах сведения о пермском прототипе героя романа Л. Е. Улицкой «Казус Кукоцкого» – врача Павле Алексеевиче Гузикове (1885–1952). Дом, семья П. А. Гузикова и город Молотов (ныне – Пермь) стали в свое время прототипической основой для эпизодических персонажей и места действия двух глав романа В. А. Каверина «Два капитана» (писатель был в Перми в 1942 г.). В романе Л. Улицкой П. А. Гузиков явился прототипом главного персонажа, Павла Алексеевича Кукоцкого, героя-идеолога, занимающего важное место в общей типологии героев Улицкой. Результаты исследования прототипической основы персонажа, впервые публикуемые свидетельства дочери П. А. Гузикова, данные архивных и мемуарных источников могут стать материалом для историко-литературного комментария романа Улицкой, а обозначенные бытовые, исторические, литературные связи героев и прототипов В. Каверина, Л. Улицкой и других писателей очерчивают своеобразный литературный топос в региональной истории литературы Перми. В теоретическом плане работа направлена на изучение структуры романного героя Л. Е. Улицкой – с применением методов мифокритики, структурно-семиотического, гендерного, нарратологического анализа. Характер героя Л. Улицкой в романах «Казус Кукоцкого» (2001), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), «Лестница Якова» (2015) и других строится на сочетании биографических, социальных, мифологических, архетипических аспектов и так же, как и иные уровни проблематики и поэтики Улицкой, подчинен задаче медиации и гармонизации жизненных конфликтов и противоречий. В работе намечен анализ эволюции описанной модели, характерной не только для прозы Л. Улицкой, но и для других произведений современной беллетристики, где наблюдается движение к документу и гибридизация традиционных жанровых формул.

Ключевые слова: прототип; структура литературного героя; беллетристика; Людмила Улицкая; Вениамин Катаев; Павел Гузиков.

Прототипы в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого»

В литературоведении история прототипа обычно занимает не самое последнее и вполне почтенное, но все же периферийное место – например, в историко-литературном комментарии. Возможно, настоящая работа и станет когда-нибудь фрагментом комментария к роману Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001), но хотелось бы не только представить материалы как сведения, вносящие новые краски в интерпретацию текста писательницы. Представляется важным отдать должное человеческой ценности прототипа – Павла Алексеевича Гузикова, о котором пойдет речь, и его значению в местном (пермском) культурном контексте.

Популярный роман Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (в журнальном варианте «Путешествие в седьмую сторону света») наследует жанровые черты и философского, и семейного романа, романа-притчи. В книге Павел Алексеевич Кукоцкий – врач-акушер-гинеколог, работающий в 1930–1960-е гг. в столичных и провинциальных больницах, военных госпиталях, одаренный до гениальности, обладающий таинственным даром «внутривидения» организма человека изнутри. Он благороден – не только помогает женщинам вынашивать и родить ребенка, но и нередко отправляет жену в дома к пациенткам бедным и несчастным с бельем, деньгами, посудой. Кукоцкий даже усыновляет дочь одной из таких несчастных, умершей от криминального аборта. Он ищет новые пути в науке, вписан в социальную, интеллектуальную

среду эпохи своими убеждениями: посылает часть зарплаты бывшим лагерникам. Женившись по страстной любви на женщине, которую спас на операционном столе, удалив внутренние (и детородные) органы, дочку своей жены он полюбил как родную. Семейное счастье разрушается внезапно, в идейном споре. Кукоцкий настаивает на разрешении аборт, спасении женщин – жена Елена полагает, что это разрешение на убийство детей. Не выдержав переживаний, Елена уходит в болезненное фиктивное пространство снов и видений (в романе есть «тексты в тексте» – тетради Елены), Кукоцкий спасается уходом в запой. Далее повествование смещается в сторону их дочери Тани и ее ребенка.

Роман успешен, много раз издан, переведен, экранизирован, получил премию «Русский Букер», Пенне и др.

Прототипами для Павла Алексеевича Кукоцкого, как многократно говорила Л. Улицкая в интервью, стали два врача¹. В честь известного хирурга С. И. Спасокукоцкого, спасшего когда-то жизнь деду Л. Улицкой трепанацией черепа, романному герою дана часть его фамилии. Имя же и начало биографии герою Улицкой дал Павел Алексеевич Гузиков, профессор, врач-гинеколог, отец подруги Улицкой (рис. 1). Его приемная дочь, Ирина Павловна Уварова, подруга Людмилы Улицкой, выросшая в доме Гузикова в Перми, Молотове в послевоенные годы, много рассказывала писательнице о Павле Алексеевиче; эти истории вошли в роман, о чем не раз говорила Улицкая в интервью².

Рис. 1. Павел Алексеевич Гузиков в клинике г. Молотова
Fig. 1. Pavel Alekseevich Guzikov in the clinic. Molotov

В Пермском государственном архиве новейшей истории можно видеть запись о Гузикове в разделе «Медицинские работники Молотовской

(Пермской) области, особо отличившиеся в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)»³. П. А. Гузиков принял на свет, как он говорил,

около миллиона младенцев, изобрел множество уникальных методов лечения при военном дефиците лекарств, написал монографию. Получил блестящее образование в Германии и Швейцарии, служил на Дальнем Востоке. Всюду был любим пациентами, коллегами, студентами (рис. 2). Еще работают в Перми некоторые его ученики. В годы

войны в доме на нынешней Петропавловской, 51 находилась квартира Гузикова, где он жил с женой – Варварой Юрьевной Бахталовской, у которой было двое детей от первого брака: дочь Вера и сын Александр. Павел Алексеевич усыновил их. Когда у Веры родилась дочь Ирина и ее брак не удался – он усыновил Ирину (рис. 3).

Рис. 2. Пациентки роддома в Молотове
Fig. 2. Patients of the maternity home in Molotov

Рис. 3. Павел Алексеевич Гузиков с Ириной Уваровой
Fig. 3. Pavel Alekseevich Guzikov with Irina Uvarova

О Гузикове и его семье впервые написал пермский краевед Владимир Гладышев в газете «Пермский университет», потом во многих иных местных изданиях [Гладышев 2007: 80–85]. В. Гладышев взял интервью у Ирины Павловны Уваровой, в котором она рассказала о приемном

отце с родственным теплом и художнической зоркостью (Ирина Павловна – художник, искусствовед, специалист по кукольному театру, вдова писателя Юлия Даниэля). В. Гладышев включил историю супругов Гузиковых в пермский туристический маршрут «Красная линия». Первона-

начально эта семья заинтересовала Гладышева потому, что была связана с Вениамином Кавериним и дом Гузиковых описан в романе «Два капитана» (1938–1943). Каверин в 1942 г. приезжал в Молотов с фронта, где был военным корреспондентом, чтобы разыскать свою эвакуированную семью (жена Каверина, как известно, была сестрой Юрия Тынянова, который тоже находился в Перми в эвакуации). Разыскал – в гостинице «Центральная», в знаменитой семиэтажке, где жили во время войны многие артисты, композиторы, писатели. Каверин провел здесь отпуск, лечился и писал вторую книгу романа «Два капитана». С врачами Павлом Алексеевичем Гузиковым и Варварой Юрьевной Бахталовской, их дочерью Верой писатель, по воспоминаниям Ирины Павловны Уваровой, приведенным В. Гладышевым, нередко общался [Гладышев 2007: 82–83].

В тогдашнем Молотове Каверину запомнились, судя по тексту «Двух капитанов», госпиталь (изучение романной топографии показывает, что Саня Григорьев лежал в госпитале на улице Луначарского, где теперь находится областная больница) и театр («Ленинградский театр оперы и балета был эвакуирован в М-ов» [Каверин 1993: 515]). Глава 12 восьмой части называется «В госпитале» и содержит описание города и квартиры Гузикова. «Город был просторный, спокойный. Все лучшие улицы стремились взлететь на высокий берег Камы, и этот разбег напомнил мне родной Энск с его взгорьями на берегах Песчинки и Тихой. Прежде мне не случалось жить в М-ове, я только пролетал над ним два-три раза». И далее: «Я шел по улице-аллее, круто спускавшейся к Каме... На стене лучшего в городе здания авиашколы я в тысячный раз прочел надпись на мраморной доске: “Здесь учился Попов, изобретатель радио, гениальный русский ученый”» [там же: 519].

Есть в романе описание и квартиры Гузиковых, и девушки Ани (в семье, по свидетельству Ирины Павловны Уваровой, знают, что ее прототип – дочь Гузикова Вера [Гладышев 2007: 82]): «Это был дом, не тронутый войной. Впервые после фронта и госпиталя я был в таком доме. Мы сидели в столовой. Без сомнения, те же салфетки лежали на стеклянной доске буфета, те же безделушки стояли на кустарных резных полочках, развешанных по стенам, и шелковый коврик над тахтой, должно быть, точно так же висел до войны» [Каверин 1993: 515]. Ирина Павловна Уварова узнала описанные Кавериним предметы – некоторые из них сохранились и доныне: «К тому времени, когда он писал роман «Два капитана», его память четко «сфотографировала» приметы нашего пермского Дома. Вещи, названные им, я помню, да кое-что живо и до сих пор.

Жив резной настенный шкафчик (скорее всего, изготовленный в Талашкино), жив «коврик над тахтой» – мусульманский молитвенный намазлык, родом из интернациональной Астрахани. Эти вещи переехали в Москву и ныне находятся в доме моей старшей внучки» [цит. по: Гладышев 2007: 82].

В 2010 г. Ирина Павловна Уварова вышла на контакт с автором настоящей статьи и передала материалы, связанные с профессором Гузиковым, для дальнейшего сохранения его памяти. Это большой фотоальбом, письменные воспоминания, медицинская монография П. А. Гузикова «Облучение брюшной полости при гинекологических операциях», изданная в Молотове в 1948 г. (Некоторые из этих материалов помещены в иллюстрациях к настоящей статье.) Из материалов явствует следующее. Павел Алексеевич Гузиков родился в 1885 г. в Борисоглебске. Учился в гимназии в Астрахани. Обучался в университете в Швейцарии после 1906 г. (очевидно, пробыл в Швейцарии и Германии до 1913 г.). Приблизительно в 1915 мобилизован на Первую мировую войну, с Дальнего Востока в середине 1930-х гг. переехал в Пермь.

Тем не менее есть ряд различий между романным Кукоцким и романным Гузиковым, как подчеркивает Ирина Павловна. «Реальный П. А. Гузиков не спился, как Кукоцкий, а умер от лейкемии. Приемная дочь Кукоцкого – в романе ее зовут Таня – соотносима со мной только в детстве. У взрослой Тани, чья жизнь и смерть подробно описаны Улицкой, совсем другой прототип. И Елена, жена Кукоцкого, не соответствует Варваре Юрьевне» [цит. по: там же: 85]. Заметим: действие романа «Казус Кукоцкого» разворачивается и во второй половине XX в., тогда как реальный Павел Алексеевич Гузиков умер в 1952 г. в Москве, куда перевелся из любви к Ирине, которая страстно захотела учиться в столице (здесь же она на 1 курсе учится в Пермском (Молотовском) государственном университете на филологическом факультете). Заглядывая вперед, скажем, что, по свидетельству Ирины Павловны, Павел Алексеевич купил в Москве кооперативную квартиру, семья в 1951 г. переехала в Москву, но в 1952 он умер.

Почему проблема прототипа выходит для нас за пределы бытового интереса? Доэстетическое бытие героя редко становится предметом анализа, хотя оно значимо в художественном тексте. М. М. Бахтин писал, что автор «преднаходит героя данным независимо от его чисто художественного акта» но «эта внеэстетическая реальность героя... и есть предмет художественного видения, придающий эстетическую объективность этому видению» [Бахтин 1979: 183].

Кроме того, мы имеем дело с тем случаем, когда прототип несет в себе человеческую, а не только историко-литературную ценность. Как сохранить память в Перми не о персонаже, а о прототипе, человеке? Хочется, чтобы альбом не просто лежал в архиве, куда нам предстоит его передать. Было бы замечательно атрибутировать на фотографиях лица людей, окружающих П. А. Гузикова. Может быть, восстановление памяти о нем потянет за собой еще какие-то нити, важные

для культурной истории Перми. Письменные воспоминания Ирины Павловны Уваровой, например, свидетельствуют о знакомстве профессора-филолога Риммы Васильевны Коминой, приехавшей в Пермь из Москвы в 1956 г., с А. Синявским и Ю. Даниэлем (рис. 4). Предисловие к молотовской монографии П. А. Гузикова подписано именем профессора Аркадия Лавровича Фенелона, уже ставшего персонажем книги пермской писательницы Беллы Зиф [Зиф 2004: 82–106].

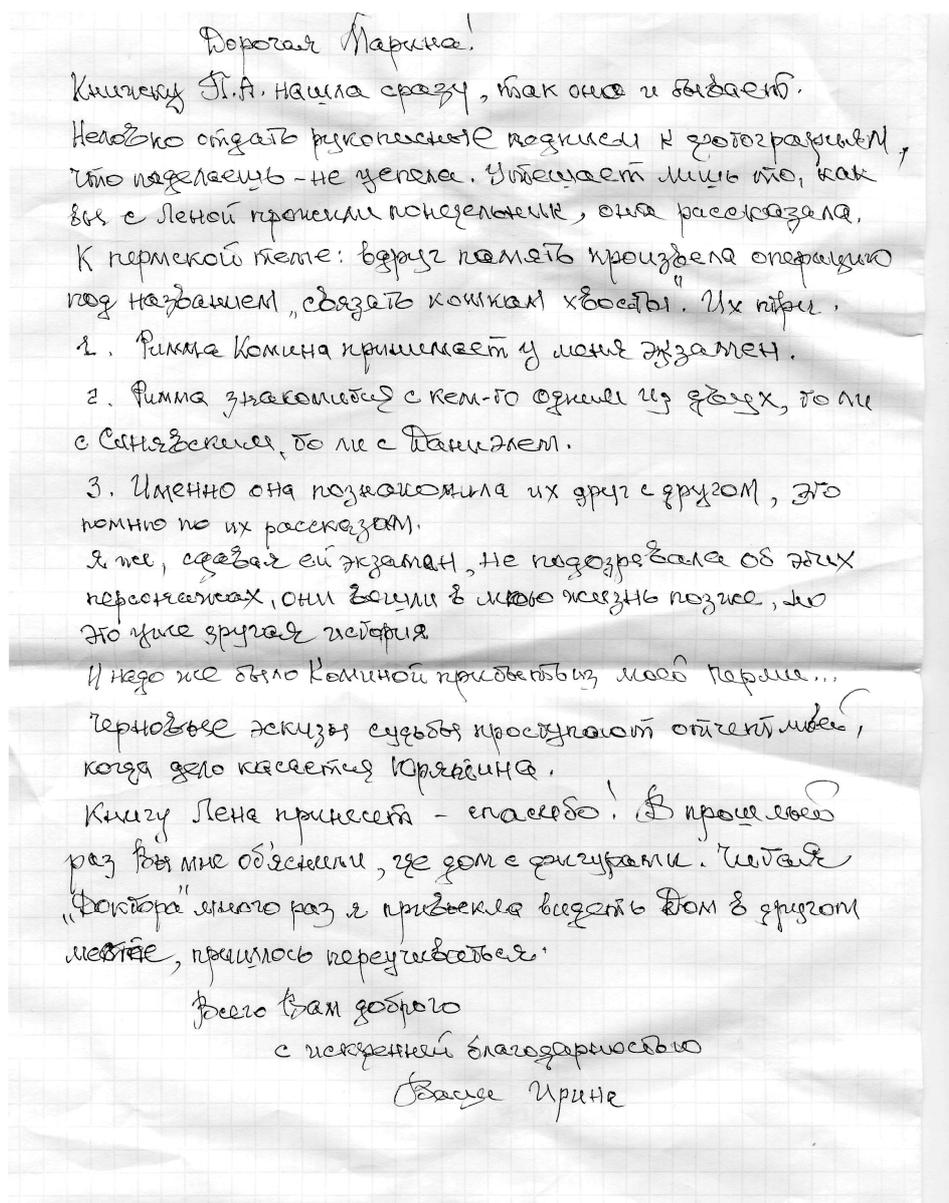

Рис. 4. Письмо И. П. Уваровой

Fig. 4. Letter of I. P. Uvarova

Возвращаясь к роману, заметим, что Кукоцкий живет «в небольшом сибирском городке В.», однако имя «Пермь» все же появляется в тексте: в Перми живет колоритный эпизодический персонаж – властная Полуэктова, бывшая балерина, директор Пермского хореографического училища.

Разумеется, образ Кукоцкого не исчерпывается прототипическими основаниями. Кроме литературно-краеведческого интереса, анализ этого персонажа важен потому, что в нем можно проследить механизмы взаимодействия факта и вымысла – а такое взаимодействие, актуальнейшее в современной русской прозе, все прихотливее

развивается в творчестве Улицкой. (Пример тому – последний по времени роман «Лестница Якова» (2015), в основу которого легли письма деда писательницы.) Вглядываясь в структуру главного персонажа «Казуса Кукоцкого», в сравнении с иными героями Л. Улицкой, нетрудно увидеть типологические сходства, к которым мы и обратимся в следующем разделе.

Модель героя в романах Людмилы Улицкой

Выявлением прототипов в творчестве Улицкой охотно занимаются критики. В повести «Сонечка» в Роберте Викторовиче угадывают Фалька, в повести «Веселые похороны» – первого мужа Улицкой Виталия Длугу, в романе «Зеленый шатер» Виктор Топоров узнал едва ли не всех: «Тут и Якир с Красиным, и Гинзбург с Галансковым, и Горбаневская, и Щаранский... А вот (правда, на периферии романа) и сам Пригов, сам Цигаль, сам Забельшанский» [Топоров 2011]. О многих прототипах Улицкая говорит напрямую, порой в тексте романа, – как о Даниэле Руфайзене (в романе «Даниэль Штайн, переводчик»). Однако мы видим своей главной задачей исследование не прототипов, но структуры главного персонажа как модели характера, выстраиваемого в индивидуальной поэтике. Л. Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» убедительно показала, как литературная антропология автора может вывести к существенным особенностям его творчества в целом: «Поведение персонажа вытекает из соотношения составляющих его элементов, а свойства предстают как стереотипы процессов поведения, его экзистенциальная сущность» [Гинзбург 1981: 4].

Непременные составляющие персонажа в романах Л. Улицкой, как правило, таковы: а) биографическая, чаще всего – прототипическая, выше уже описанная нами; б) мифологическая – ее героини очевидно всегда некие Зевс и Гера, Иаков, Рахиль и пр; в) профессиональная (Ученый, Врач, Художник); социальная (здесь возможны варианты также типологического свойства: противник системы, ее жертва или свободный человек).

Работа автора романа с прототипической основой образа П. А. Кукоцкого, по-видимому, представляет собой сначала «сведение» прототипов (в данном случае это врач, спасший отца, и отчим подруги) в один образ, который вбирает и личный опыт писательницы. Затем биографическое начало, естественно, претерпевает значительные метаморфозы. Прежде всего, автор укореняет своего вымышленного героя в русской истории, причем, как это бывает важно для семейного романа, важна история рода, семьи Кукоцких. Повествователь в начале романа сообщает, что род Кукоцких ведет свою историю в

России с XVII в. (о чем якобы существуют письменные упоминания в переписке Петра Велико-го) и что фамилия Кукоцких в медицинском мире была известна не менее, чем фамилия Пирогова или Боткина [Улицкая 2002: 9]4. Так герой, потомственный врач и ученый, приобретает высокий социальный статус, легитимированный исторически и сопоставленный с реальными историческими лицами, имеющими высокую репутацию врачей.

Собственно, о таком процессе тонкого взаимодействия документального и вымышленного в воображении художника писала Л. Я. Гинзбург в работе «О психологической прозе»: «Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной. И все же различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда» [Гинзбург 1971: 18]. П. М. Медведев, ученик М. М. Бахтина, полагал, что воображение автора и состоит в «комбинировании» личных впечатлений и социальной практики: «Основной чертой, главным признаком творческой деятельности является конструктивное, творческое воображение как способность активного комбинирования и обобщения представлений и образов воспоминаний, являющихся отражением объективной действительности и социальной практики художника» [Медведев 1971: 17].

Однако не менее важной в прозе Улицкой оказывается мифологическая и архетипическая основа литературного героя – архетипы и как первообразы бессознательного [Юнг 1996: 88], и как литературный мотив и прообраз [Мелетинский 1994: 15]. Так, образ Кукоцкого с самого начала дается сквозь призму фаустианского мифа. Герой появляется в окружении медицинских атласов, книг, хирургических инструментов, иных атрибутов врачебной профессии. Врачебное призвание в романе отчетливо связано с мотивами тайны, ясновидения, сочетающимися с почти терминологически точными (видимо, сказывается образование автора-генетика) медицинскими описаниями человеческого организма. Еще подростком Павел видит в медицинском атласе человеческое тело: разъятое и прозрачное для него в своем строении. «С картонных людей последовательно снималось кожаное одеяние, слои розово-бодрой мускулатуры, вынималась печень, на стволе пружинистых трахей вываливалось дерево легких, и, наконец, обнажались кости, окрашенные в темно-желтый цвет и казавшиеся совершенно мертвыми. Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой пло-

тью, – об этом Павел Алексеевич станет задумываться значительно позже» (10).

Проблемы жизни и смерти стали внятны герою благодаря непостижимому дару «внутривидения»: он обнаружил, что видит опухоль желудка с метастазами – один очень заметный в печень, второй, слабенький, в область средостения... Потом он долго сидел в кабинете, ...пытаясь понять, что же с ним такое произошло, откуда взялась эта схематическая цветная картинка...» (14).

И хотя герой «не мучился над мистической природой этого явления, принял его как полезное подспорье в профессии», вообще «был материалистом и «мистики не терпел» (15), автор усиливает мотив тайного могущества аурой дара, вполне божественного. Наивный взгляд Василисы, крестьянки и монахини, открыто транслирует эту семантику: «Павел Алексеевич был в ее глазах почти святым: он у себя в больнице всем подавал помощь – и злым, и добрым, как господь бог» (39–40). Однако Василиса думает так до тех пор, пока не узнает об энергичной деятельности своего кумира по официальному разрешению абортот. Здесь прогрессивная (модернизаторская) мораль ученого и мужская точка зрения входит в противоречие с христианской моралью и точкой зрения женской. Ее носителем является и жена Кукоцкого Елена – и именно это противоречие разводит супругов, стоит Елене психического здоровья. Герой-божество приобретает – в глазах той же Василисы – дьявольские черты: «А уж не антихрист ли?» (129). Видеть в Кукоцком антихриста, впрочем, Василису подвигает зловещая атмосфера эпохи «дела врачей» и гонений на генетику.

Так мифологическое и социальное одновременно детерминируют характер литературного героя. При этом мифологически-архетипические смыслы легко накладываются друг на друга: за образом Фауста просвечивает архетип Бога вообще, архетип Отца, или, в терминологии К. Юнга, Духа, мудрого старца.

Другие персонажи романа вращаются вокруг главного героя. Однако обращает на себя внимание, что жена Елена вовсе не составляет бинарную оппозицию Кукоцкому. Организация мужского и женского персонажей здесь строится, скорее, по принципу взаимодополнительности, а порой, если можно так выразиться, «взаимонедостаточности». Оба характера не интерпретируются в однозначно противопоставленных категориях рационального мужского и эмоционального женского. В мужском персонаже обнаруживается тяга к устройству космоса и к мистическим озарениям: он читает Чижевского, рассматривает космические циклы и биоритмы как факторы, определяющие деторождение. Елена же, в боль-

шей части повествования погруженная в «третье состояние» за гранью разума, с юности стремилась познать строгую архитеконику мира и человека, нравственного закона. Ее талант чертежницы и выучка у своего первого мужа, «великого мастера чертежного дела», соседствуют с высокой нравственной требовательностью, воспитанной в толстовской коммуны, к которой принадлежали ее родители. Упорядоченность, рациональная расчерченность представлений Елены о мире, однако, не спасает ее от ухода в «средний мир», в сферу видений, которые она записывает в свои тетради. Тайновидение и тайноведение представляются в мире романа равно доступными обоим героям: «Два тайновидца жили рядом. Ему была прозрачна живая материя, ей открывалась отчасти прозрачность какого-то иного, не материального мира. Но друг от друга они скрывались не от недоверия, а из целомудрия и оградительного запрета, который лежит, вероятно, на всяком тайном знании...» (50).

Модели мужского и женского персонажей, таким образом, обмениваются традиционными характеристиками и ценностными установками. Так, патриархатная мужская позиция как будто бы должна следовать идее продолжения рода и не замечать потребностей женского тела. Но в силу профессии Кукоцкий сосредоточен на женском теле и его сохранении, он ратует за разрешение абортот именно для сохранения жизней женщин, гибнущих от абортот криминальных. Елена, естественно выступая за сохранение жизней нерожденных детей (хотя сама рожать больше не сможет), словно отодвигает от себя проблему сохранения женского тела, ее позиция – жертвенная, но и судящая. Постоянные инверсии в романе проблематизируют устойчивость гендерных ролей. Выход из рациональных рамок такого противопоставления в пространство интуитивного, бессознательного, мистического работает на уровне характеров, но в сюжетном развертывании к финалу тайновидение никак не разрешает личностных противоречий и не влияет на судьбу героев. Хотя пространство видений Елены вовлекает некоторые элементы реального мира и она обретает в своих видениях новую призрачную идентичность («новенькая»), онейрическое пространство не влияет на ее внешнюю жизнь. Однако жизнь эта, пропущенная через сознание Другого (не рационального субъекта), приобретает иную глубину, и дискурс безумия (термин М. Фуко) обретает свой голос и свои права.

Может быть, именно из-за деконструкции традиционных представлений о поле, разуме, болезни интерпретация литературных героев прозы Улицкой со стороны литературной критики обнаруживает большой разброс мнений. Роман, полу-

чивший премию «Русский Букер», был встречен также множеством уничижительных рецензий с неприятием мотивов телесности, с негативной оценкой обнаруживаемых в романе свойств женской прозы (М. Золотоносова, М. Ремизовой, Л. Куклина и др.)⁵. Действительно, стиль Улицкой обнаруживает характерные для российской женской прозы 1980–1990-х гг. черты⁶: это внимание к телесности, интерпретация женского начала как жертвенного, воссоздание образа пишущей женщины, причем письмо Елены как будто соответствует представлениям феминисток (Э. Сиксу, Л. Иригарэ и др.) о женском письме: стихийное, свободное, с логическими разрывами и прорывами в бессознательное⁷. Позицию автора в романах Улицкой современная исследовательница гендерных особенностей творчества писательницы определяет как феминный «билингвизм» (определение восходит к идеям Э. Сиксу). Такой билингвизм предполагает «объединение различных способов гендерной презентации субъектности: с одной стороны, возможность мимикрировать под патриархатный дискурс, если речь идет о маскулинной тематике и образности, с другой – способность активно использовать приемы “феминного письма”, если создается образ женственности» [Воробьева 2016: 142–143].

Отмеченный «билингвизм» Улицкой, как нам представляется, служит, скорее, проявлением некоего полилингвизма, и не исключительно гендерного – т. е. частным случаем общего авторского миропонимания, основанного на принципах толерантности в области как этических, так и эстетических норм и оценок. Потому и гендерные позиции героев Улицкой взаимобратимы, а патриархальные ее героини (очевидно, мотивированные жанровыми традициями семейного романа не меньше, чем традиционными архетипами) не патриархатны, не маскулинны. Собственно, прародителем рода в этой модели может являться и женщина – как в семейной хронике «Медея и ее дети».

Эволюция творчества Улицкой обнаруживает нарастание тенденции к множественности языков, ценностей, точек зрения и т. п., в том числе и в строении персонажа. В романе «Лестница Якова» повествователь, за которым явственно просвечивает автор, демонстрирует сочувствие ценностям скорее Якова, а не Марии: он не только сохранил верность любви, но и сумел сохранить свою личность под давлением сталинской машины террора, в то время как она не ушла от соблазнов эпохи. Даниэль Штайн – переводчик языков разных культур: этнических, религиозных, политических. Он – медиатор, способный сфокусировать в своем личном опыте разнонаправленные и даже несовместимые взгляды. Для

окружающих он чужой и Другой: иудей – для нацистов, католик – для израильтян, потому его якобы случайная гибель в логике романа вполне предопределена. Опыт и подвиг такого служения и составляет смысл романа.

И Яков, и Даниэль Штайн исповедуют не рациональные мужские, но, скорее, гибкие, вполне женственные, если держаться гендерных характеристик, поведенческие и аксиологические принципы: уход от прямых конфликтов, толерантность и стремление к медиации конфликтных позиций. Нам представляется, что подобная трактовка героя связана с общим свойством беллетристики Улицкой, с системой ее ценностей, со стратегией поиска культурной, религиозной, нравственной толерантности. О каких бы аспектах творчества Улицкой ни писали сегодня критики и литературоведы (о проблемах идентичности, о специфике травелогов или понимании семьи), всякий раз они отмечают тягу писательницы к гетерогенности изначальной картины мира, ведущей в конечном к гармонизации многокомпонентной реальности [например: Богданова, Ковтун 2014]. Творчество Улицкой сегодня воспринимается и трактуется через призму толерантности, что, конечно, стимулируется и правозащитной, издательской, общественной деятельностью писательницы [Осьмухина 2011; Skomp, Sutcliffe 2014].

Возвращаясь к проблеме героя, заметим: те составляющие модели литературного героя, что были здесь обозначены применительно к роману «Казус Кукоцкого», сохраняются и в более поздних романах Л. Улицкой. Линия божественного (архетипического, мифологического) происхождения героя только усиливается: Даниэль Штайн – воплощение Христа, а уже в самом названии романа «Лестница Якова» отчетливо указано на библейского праведника Якова, нашедшего путь к Богу. Усиливается также и тяготение к прототипическому, документальному началу. Если биографическая фактуальность Кукоцкого сводилась к стимулирующей роли знаков-прототипов, то прототипы «Даниэля Штайна» и «Лестницы Якова» более очевидны, определены и близки самому автору: реальный Даниил Руфайзен в первом случае (пусть в зеркале почти агиографических свидетельств) и дед писательницы во втором. Фактуальность теперь достигается или документом (в «Лестнице Якова»), или эффектом документности, как в «Даниэле Штайне». («Документность» – термин И. Каспэ, обозначающий эффект документа, «культурные представления о нем, коммуникативные эффекты, которые им производятся» [Каспэ 2010: 4].) Важна и смена нарративной модели коммуникации в последних названных романах: переход от слова автора к слову героя, что достигается активным использо-

ванием эпистолярия. Фикциональность в новых романах Улицкой становится на службу фактуальности. Социальное же начало и профессиональная характеристика персонажа, кажется, отступают на второй план – экзистенциальная сущность важнее социальной роли. Впрочем, и Кукоцкий в финале романа и своей судьбы «понял, что дожил до такого времени в своей жизни, что эта маленькая девочка способна заменить ему всю его профессиональную деятельность» (393).

Индивидуальная стратегия Улицкой в формировании литературного героя, как нам представляется, находит аналоги в современной беллетристике. Мы не склонны придавать последнему термину сколько-нибудь уничижительного значения, разделяя позицию тех исследователей, которые располагают качественную беллетристику на границе с классикой или авангардной литературой (кстати, «Два капитана» В. Каверина» тоже принадлежат к этому ряду). Беллетристика стремится к увлекательности повествования и к медиации противоречий. Не к вычеркиванию или устранению, но именно к медиации как гармонизации. В «Казусе Кукоцкого» оптимистическое разрешение противоречий кажется невозможным, и романский эпиграф из Симоны Вайль («Истина лежит на стороне смерти») эту невозможность подчеркивает. Однако четвертая часть романа, выполняющая функцию эпилога, описывает жизнь после смерти главных героев романа и завершается новым рождением – правнука Кукоцкого. В своих сюжетах и героях Улицкая сначала декодирует привычные культурные представления, но потом через их переустройство заново приходит к вечным ценностям на новых основаниях: так, безусловная ценность семьи в «Медее и ее детях» и «Казусе Кукоцкого» парадоксально зиждется не на кровном родстве.

В. М. Маркович очень точно писал о совместности внутри литературного процесса «беллетристичности», дающей «успокоительную устойчивую опору и вводящей содержание литературы в границы «усредненного» сознания», и «классичности», выводящей «человеческое сознание за грань известного или доступного» [Маркович 1991: 60]. Время само расставляет по местам литературные ряды, история литературы может менять этот порядок. А в постмодернистскую эпоху беллетристика наращивает диалогическое взаимодействие различных художественных систем, интертекстов, языков. Она охотно использует «гибридные» жанровые стратегии, сочетая разные жанровые модели (и, в частности, наработанные приемы женской прозы). Роман Марины Степновой «Женщины Лазаря» (2011), например, предлагает тип героя, сходный с героем Л. Улицкой: патриарха, Отца, Мудрого стар-

ца. В книге Гузели Яхиной («Зулейха открывает глаза», 2015) тип гениального врача-гинеколога отчетливо напоминает Кукоцкого. То есть свойства литературного героя Улицкой, конечно же, не уникальны. В любом литературном произведении работают и архетипы коллективного бессознательного, и литературные традиции, и социальные модели. Но Улицкой оказалось дано сформировать работающую авторскую модель, собственную литературную антропологию, востребованную современным читателем.

Примечания

¹ См., например: «У Павла Кукоцкого не один прототип – за его спиной стоят несколько замечательных врачей. Один из них – доктор Павел Алексеевич Гузиков. Как раз его-то я и не знала. Он был отчимом моей подруги, она очень много о нем рассказывала, и некоторые из ее историй были «подарены» моему герою – доктору Кукоцкому. Есть и еще одна биографическая завитушка. Мой дед в юности был очень тяжело болен, и молодой земский врач Спасокукоцкий, никому тогда еще не известный, сделал в 1911 или 1912 г., во всяком случае до Первой мировой войны, чрезвычайно рискованную операцию с трепанацией черепа и спас деду жизнь. Фамилия, которую я выбрала для моего героя, – маленький знак благодарности этому хирургу» [Улицкая 2009].

² «У меня есть герой – Павел Кукоцкий из романа “Казус Кукоцкого”. Его прототип – пермский доктор Павел Алексеевич Гузиков, он был отчимом моей подруги, театроведа Ирины Павловны Уваровой, и на меня огромное впечатление произвели истории из жизни этого потрясающего доктора. У меня на стене висит его портрет в белом халате» [Улицкая 2016].

³ «Гузиков Павел Алексеевич (1885–1952) – профессор акушерско-гинекологической клиники мединститута г. Молотов (Пермь)». URL: <http://politarhive.perm.ru/nsa/ukazateli-dokumentov/meditsinskie-rabotniki.html> (дата обращения: 20.03.2014.)

⁴ Далее в тексте при ссылках на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

⁵ Вместе с тем по прошествии десятилетия телесный код прочитывается как один из основных в понимании произведений Л. Улицкой. Особенно это характерно для западного литературоведения [Callenger 2010].

⁶ Впоследствии российская женская проза эволюционирует: от языковых экспериментов рубежа 1980–1990-х гг. к институализации и беллетризации в 2000-е. Об этом подробнее см.: [Абашева 1993; Абашева, Воробьева 2007].

⁷ Обзор гендерных теорий см., например: [Рюткенен 2000].

Список литературы

Абашева М. П. Чистенькая жизнь не помнящих зла // Литературное обозрение. 1992. № 5–6. С. 9–14.

Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 175 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Богданова О. В., Ковтун Н. В. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2014. Вып. 1, март. С. 14–25.

Воробьева С. Ю. Приемы репрезентации женского и мужского начал в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 3(168). С. 15–19.

Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 224 с.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель 1971. 463 с.

Гладышев В. По следам «Двух капитанов» // Пермский университет (журн.). 2007. № 7. С. 80–85.

Зиф Б. Л. Провинция: повесть. Из воспоминаний. Пермь: Изд.-полиграф. комплекс «Звезда», 2004. 208 с.

Каверин В. Два капитана: роман: в 2 т. Т. 1–2. Екатеринбург: УАО «Посылторг», 1993. 624 с.

Каспэ И. М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х: Препринт WP6/2010/02. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 48 с.

Маркович В. М. К вопросу о разграничении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 53–66.

Медведев П. Н. В лаборатории писателя. Л.: Сов. писатель, 1971. 392 с.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Рос. гос. гум. ун-т. М., 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

Осьмухина О. В поисках утраченной толерантности. Людмила Улицкая // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 144–158.

Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–7.

Топоров В. Улицкая в шадящем режиме // О литературе с Виктором Топоровым // Фонтанка: Петербургская интернет-газета. 2011. 16 февр. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/02/16/167/> (дата обращения: 20.01.2017).

Улицкая Людмила: «У врачей особое отношение к человеку...» // Аргументы и факты. Здоровье. Интервью Валерии Коростылевой. 2009. 2 апр. (№ 14). URL: <http://www.aif.ru/culture/person/10299> (дата обращения: 20.01.2017).

Улицкая Людмила: «Я – Люся Улицкая». [Записала Юлия Баталина] // Новый компаньон. 2016. 4 окт. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html> (дата обращения: 20.01.2017).

Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 384 с.

Callenger E. Representation of the Past and Reconstruction of Identity Through the Body and Dreams in Ludmila Ulitskaya's Kukotsky Case [Kazus Kukotskogo] // Transcultural Studies. 2010. Vol. 6, Issue 1. P. 143–160.

Skomp E. A., Sutcliffe B. M. Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance. Univ. of Wisconsin, 2015. 268 p.

References

Abasheva M. P. Chisten'kaya zhizn' ne pomnyashchikh zla [Clean living of those not remembering the evil]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Observer], 1992, issue 5–6, pp. 9–14. (In Russ.)

Abasheva M. P., Vorobyeva N. V. *Russkaya zhenskaya proza na rubezhe 20–21 vekov* [Russian women's prose at the turn of the 20–21 centuries]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2007. 175 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V., Kovtun N. V. *Kommunikativnye strategii v «middl-literature» rubezha 20–21 vv.: sluchay L. Ulitskoy* [Communication strategies in the “middle literature” at the turn of the 20–21 centuries: L. A. Ulitskaya's case]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2014, issue 1, March, pp. 14–25. (In Russ.)

Vorobyeva S. Yu. Priemy reprezentatsii zhenskogo i muzhskogo nachal v romane L. Ulitskoy «Kazus Kukotskogo» (gendernyy aspekt) [Methods of Masculinity and Femininity Presentation in the Novel by L. Ulitskaya “The Kukotsky Enigma” (Gender Aspect)]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, issue 3, pp. 15–19. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe* [On a literary character]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. 224 p. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971. 463 p. (In Russ.)

Gladyshev V. Po sledam «Dvukh kapitanov» [In the footsteps of “Two captains”]. Permiskiy Universitet [Perm University], 2007, issue 7, pp. 80–85. (In Russ.)

Ziff B. L. *Provintsiya: Povest'. Iz vospominaniy* [Province: The Story. From the memoirs]. Perm, Zvezda Publ. 2004. 208 p. (In Russ.)

Kaverin V. *Dva kapitana. Roman v dvukh tomakh* [Two Captains. The Novel in two volumes]. Ekaterinburg, UAO “Posyltorg” Publ., 1993, vols. 1–2, 624 p. (In Russ.)

Kaspe I. M. *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost v russkoy literature 2000-kh: Preprint WP6/2010/02* [When Things Talk: Document and Documentariness in Russian Literature of the 2000s: Preprint WP6/2010/02]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2010. 48 p. (In Russ.)

Markovich V. M. K voprosu o razgranichenii ponyatiy «klassika» i «belletristika» [To the question of delimitation of the concepts of “classics” and “fiction”]. *Klassika i sovremennost'* [Classica and modernity]. Ed. by P. A. Nikolaeva, V. E. Khalizova. Moscow, Moscow State University Publishing, 1991, pp. 53–66. (In Russ.)

Medvedev P. N. *V laboratorii pisatelya* [In the laboratory of a writer]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1971. 392 p. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetypakh. Chteniya po istorii i teorii kultury. Vyp. 4* [On literary archetypes. Readings in History and Theory of Culture. Iss. 4]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p. (In Russ.)

Os'mukhina O. V poiskah utrachennoy tolerantnosti. Lyudmila Ulitskaya [In search for the lost to-

lerance. Lyudmila Ulitskaya]. *Voprosy literatury*, 2011, issue 1, pp. 144–158. (In Russ.)

Rytkönen M. Gender i literatura: problema «zhenskogo pis'ma» i «zhenskogo chteniya» [Gender and literature: the problem of “women's writing” and “female reading”]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2000, issue 3, pp. 5–17. (In Russ.)

Toporov Viktor O literature s Viktorom Toporovym: Ulitskaya v shchadyashchem rezhime [About literature with Viktor Toporov: Ulitskaya in a gentle regime]. *Fontanka. Peterburgskaya Internet-gazeta* [Fontanka. St. Petersburg online newspaper]. 16.02.2011. Available at: <http://www.fontanka.ru/2011/02/16/167/> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Ulitskaya Lyudmila. «U vrachey osoboe otnoshenie k cheloveku...» [“Doctors have a special attitude to a human” (Interview of Valeriya Korostyleva)]. *Argumenty i fakty. Zdorovye*. 2009, issue 14, April 2. Available at: <http://www.aif.ru/culture/person/10299> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Ulitskaya Lyudmila. «Ya – Lyusya Ulitskaya» [“I am Lucy Ulitskaya”] (Interview by Yuliya Batalina). *Novyy kompanyon*, 2016, October 4. Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Yung K. G. *Dusha i mif: shest' arkhetypov* [Soul and Myth: Six archetypes]. Kiev, 1996. 384 p. (In Russ.)

Callegher Elvira Representation of the Past and Reconstruction of Identity Through the Body and Dreams in Ludmila Ulitskaya's Kukotsky Case (Kazus Kukotskogo). *Transcultural Studies*. 2010, vol. 6(1), pp. 143–160. (In Russ.)

Skomp E. A., Sutcliffe B. M. *Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance*. University of Wisconsin Press, 2015. 268 p. (In Russ.)

THE STRUCTURE OF THE CHARACTER IN LYUDMILA ULITSKAYA'S NOVELS: *THE KUKOTSKY ENIGMA*

Marina P. Abasheva

Professor in the Department of Contemporary Russian Literature

Perm State Humanitarian Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Based on archival material, the article presents information about the prototype of the main character in the novel *The Kukotsky Enigma* by Lyudmila Ulitskaya. The prototype was a physician Pavel Guzikov (1885–1952) who lived in Perm (renamed Molotov in the Soviet period). Guzikov's family and home in the Molotov-city were also the prototypical basis for incidental characters and setting in two chapters of Ve-

niamin Kaverin's novel *Two Captains* (the writer visited Molotov in 1942). In Lyudmila Ulitskaya's novel, P. A. Guzikov becomes the prototype of the main character, Pavel Alekseevich Kukotsky, a hero-ideologist who occupies an important place in the general typology of Ulitskaya's heroes. The study of the character's prototypical basis, testimonies of Guzikov's daughter published for the first time, archival documents and memoirs may become data for historical and literary commentary on the novel by Ulitskaya. The designated social, historical and literary connections between the heroes and prototypes of V. Kaverin, L. Ulitskaya and other writers outline a kind of literary topos in the regional history of Perm literature. In terms of theory, the research focuses on the study of the structure of characters in Ulitskaya's novels. The theoretical framework of the article embraces the methods of myth criticism, structural semiotics, narratology, and gender analysis. The characters in Ulitskaya's novels – *The Kukotsky Enigma* (2001), *Daniel Stein, Interpreter* (2006), *Jacob's Ladder* (2015) and others – are based on the combination of biographical, social, mythological, archetypal aspects, and they are subordinated to the task of mediation and harmonization of life conflicts and contradictions along with other levels of problems and poetics of Ulitskaya. The article outlines the analysis of the evolution of the model described above, which is characteristic not only of L. Ulitskaya's prose but also of other works of modern fiction, where we can see a tendency towards document and hybridization of traditional genre formulae.

Key words: prototype; structure of a literary character; fiction; Lyudmila Ulitskaya; Veniamin Kaverin; Pavel Guzikov.